

Вот уж двенадцатый день, как Гектора тело волоком
За колесницей кургана вкруг, сквозь данаев станы,
А ночи мои все бессонны, все солонны, Понт воет волком,
Зверь бежит на ловца, нецелована дева давно, да только
Толку? Вой — не вой, друг в кургане молчит упрямо.

Выйди, скажи хоть слово, благо солнце ещё не встало,
Ласточка, утро серое... Двенадцать юношей махом
Единым — мало тебе? — коней отборных, да тканей — скажи хоть — мало:
Будет тебе еще — людей, лошадей, металла,
Лат меднокованных, дев да волов — всё в огонь, да поди все прахом!

А что останется — в играх дарами, в бегах, да в боях кулачных
Пусть разойдется. Эти ли, те ли кровавую землю рыли —
Мне что с того? Впрочем, разум мутится, и мысли, что волны, скачут —
От одиночества, верно... А от ночей бессонных даже кони заговорили:
То напророчат чёрного, то, глядишь, по тебе заплачут.

В зубы дарёным не смотрят, только Бог твой, как есть, продажен,
Слово б сказать, да некому, да и слово застряло комом.
Видно, от дыма глаза слезятся, и воздух в гортани влажен,
Город проклятый троится, не различить ни башен
Ни старика на стене — всё ль стоит? И стена знакома
Паче ладони собственной, вот уж девять лет ничего другого,
Кроме стены, да Понта, да дрожания в воздухе насекомых.